

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

РАННЕИНДУСТРИАЛЬНАЯ СТАДИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ИСТОКИ, ТЕНДЕНЦИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Т.М. Братченко

Кафедра истории
Московский государственный открытый университет
ул. Павла Корчагина, 22, Москва, Россия, 129805

А.С. Сенявский

Центр «Россия, СССР в истории XX века»
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье анализируются истоки, становление и развитие индустриализации дореволюционной России на ее ранней стадии. Авторы показали основные тенденции и направления этих процессов. В статье раскрыта совокупность причин индустриализации России, среди которых основными были не внутренние условия, а внешние факторы. Показано также, что раннеиндустриальная модернизация в либерально-консервативной форме поставила общество в крайне неустойчивое, «переходное» состояние, что было чревато социальными потрясениями.

Ключевые слова: индустриальная модернизация, аграрное общество, трансформация, либеральные реформы, С.Ю. Витте, П.А. Столыпин.

Индустриальная модернизация была императивом развития России на протяжении нескольких столетий, что вызывалось преимущественно не внутренними условиями, а давлением внешних факторов – индустриальным развитием ряда западных держав, чреватого экономическим и военным отставанием страны. Это угрожало ее национальной безопасности и самому суверенному существованию. Поэтому модернизация в виде или на основе

многочисленных, разнообразных по задачам реформ инициировалась и проводилась сверху, российским государством, а иначе и быть не могло в силу цивилизационных, исторических особенностей ее развития (1).

Истоки индустриального развития России восходят к XVII в. Уже тогда сформировались основы всероссийского национального рынка, сложилась специализация отдельных регионов на производстве тех или иных изделий. Так, полотно изготавливали в Новгороде, Пскове, Ярославле, Вологде, Смоленске; кожи – в Нижнем Новгороде, Ярославле, Калуге; изделия из дерева – в Поморье; центрами железоделательного производства стали Тула, Кашира, Серпухов, Тихвин и т.д. Купечество, обладавшее уже значительными капиталами, выделяется в отдельное сословие.

Источниками накоплений были налоги, откупа, подряды, ростовщичество, то есть внутренние, а не внешние накопления, как в других европейских странах, разбогатевших на ограблении колоний в результате Великих географических открытий.

Государство нередко выступало как монополист в деле получения таких доходов.

Таким образом, наметилась особенность экономического развития России – усиленный рост государственного хозяйства, наряду с пробивавшими себе с большими трудностями дорогу первыми ростками капитализма.

Первые мануфактуры появились в стране в тех районах, которые специализировались на производстве определенных изделий, прежде всего изделий из металла. Но развитие производства тормозилось крепостничеством, не хватало свободной рабочей силы для предприятий.

Существенную роль в становлении предпринимательства и «протоиндустриализации» сыграла политика центральной власти, особенно в периоды правления Петра I и Екатерины II, включая ряд экономических преобразований. Активная внешняя политика России потребовала насаждения, роста и развития мануфактур в самых различных отраслях промышленности при активной роли государства, а также частных предпринимателей, – в металлургической, суконной, кирпичной, кожевенной, стекольной, писчебумажной и др. Но наибольшее количество мануфактур в конце XVIII в. насчитывалось в легкой промышленности – более 1000 мануфактур, причем специализированных – полотняных, шляпных, кожевенных, позументных и т.п. (2).

Режим наибольшего благоприятствования для предпринимательства, конечно, имели дворяне, владевшие разнообразными предприятиями и промыслами, железоделательными заводами и др. (3).

При Екатерине II по Указу 1765 г. дворяне превратились в монопольных производителей и поставщиков вина и водки; среди них – представители высшей аристократии, поставлявшие продукцию в 32 города России. С конца XVIII в. широко распространяется и крестьянское предпринима-

тельство, складываются целые династии «капиталистских» крестьян – Хлудовых, Солдатенковых, Абрикосовых.

Указ Александра I о вольных хлебопашцах, по которому разрешалось помещикам отпускать крестьян на волю за выкуп с землей, давал возможность расширения рынка свободной рабочей силы и собственного дела. За первую половину XIX в. по этому Указу было освобождено 1,5% крестьян. Но это были самые хозяйственные, предприимчивые, талантливые. Крепостные фабриканты брали подряды, вели торговлю, занимались кредитными операциями. Так, в Иванове в 1800 г. они имели объявленных капиталов в 441 тыс. руб. – огромные по тем временам деньги (4).

Нередко крестьяне-предприниматели становились конкурентами купцов. В свою очередь, купцы нередко переводили свои капиталы в промышленность, покупая и основывая всё новые фабрики и заводы. При этом, особенно в XIX в., увеличивается число приобретших гильдейские свидетельства, дававшие право заниматься деловыми операциями: в 1840 г. было выдано 37 381 свидетельств, в 1858 г. – уже 61 858 (5).

С XVIII в. активно развивается акционерное дело в России, сначала – в сфере внешней торговли. Так, в 1755 г. три купца учредили компанию на 200 акциях с капиталом в 100 тыс. руб., получившую право торговать с Турцией, Венецией и Китаем. Через 3 года еще два купца учредили компанию для торговли с Персией и имея для этого 600 тыс. руб. капитала. В 1760 г. граф Воронцов в компании с десятью учредителями стал торговать с Хивой и Бухарой (6). При Екатерине II разрабатываются и Уставы таких компаний, а при Александре I определяются в российском законодательстве и различия между акционерными обществами – торговым товариществом полным и на вере (7), торговыми домами и товариществами на паях (8).

Позже Уставы акционерных обществ утверждались соответствующими министрами или Кабинетом министров, что способствовало большей ответственности их учредителей. Среди учредителей также были представители аристократии, крупные чиновники, высокопоставленные военные и люди, близкие ко двору, способствовавшие успешной деятельности таких акционерных обществ.

В середине XIX – начале XX в. вплоть до 1917 г. Россия развивалась в русле общеевропейского цивилизационного процесса, в том числе и в экономической сфере, где основным вектором прогресса являлась индустриализация. Этот период интересен богатейшим и во многом поучительным опытом завершения в России промышленного переворота, становления многих отраслей промышленности и модернизации экономики в целом в контексте активной государственной политики и развития российского предпринимательства.

Политика государственного вмешательства и поддержки промышленности, экономики России сложилась исторически. Она включала целую сис-

тому правовых, финансовых, организационных и даже моральных мер и стимулов. Так, государство ценило заслуги российских предпринимателей, возводя многих из них в дворянское достоинство. Например, в XIX в. был возведен в дворянское звание известный строитель железных дорог П.И. Губонин, в 1912 г. – получившей всемирную известность владелец Трехгорной мануфактуры Н.И. Прохоров и его потомки. Некоторые получали генеральские чины и иные почетные звания, такие как П.И. Щукин, А.А. Титов, А.А. Бахрушин (9). Именно государство выступало двигателем индустриализации и модернизации российской экономики, создавая благоприятные условия для развития отечественной промышленности путем законодательного регулирования, перераспределения капитала в пользу индустрии как путем прямого финансирования (оборонные предприятия и госзаказы, выкуп железных дорог и др.), так и косвенно – через регулирование финансово-кредитной системы, политику протекционизма и одновременно привлечения иностранного капитала и т.д.

С 30-х гг. XIX в. в России начался промышленный переворот, ускорившийся после отмены крепостного права.

Промышленный переворот сопровождался быстрым ростом железнодорожного строительства, которое явилось одним из ключевых направлений, сыгравших решающую роль в ранней индустриальной модернизации страны. Развитие сети железных дорог не только способствовало укреплению всесторонних связей ранее разобщенных территорий, вовлечению в хозяйственный оборот новых регионов и формированию единого рынка в России – самой крупной мировой державы с бескрайними просторами, но оно становилось также стимулом быстрого развития целого ряда других связанных с обеспечением железнодорожного транспорта отраслей (металлургии, машиностроения и др.). Железнодорожное строительство осуществлялось с активным привлечением национального капитала и средств государства.

Существенный толчок развитию экономики страны дали буржуазно-либеральные реформы Александра II. Важно подчеркнуть, что российское правительство активно поощряло бурное развитие отечественной промышленности в пореформенной России, предоставляя российским промышленникам льготные кредиты и условия для строительства все новых предприятий, гарантируя им госзаказы, высокие доходы и нередко предоставляя оборотные капиталы. Особенно поддерживалось развитие сети железных дорог (10).

Ряд патриотически настроенных предпринимателей выступал против политики «открытых дверей» перед иностранным капиталом. Так, русский купец А.А. Пороховщиков утверждал, что она дает возможность безнаказанно практиковать в российской экономике «грабеж на законном основании» (11). Известный предприниматель В.А. Кокорев в книге «Экономические провалы» обвинял бюрократию в необдуманном переносе на русскую

почву западных экономических моделей и либеральных идей, в отказе исходить из народного опыта, от «согласования экономических мероприятий с потребностями народной жизни» (12). Однако власть в своей экономической политике в основном придерживалась иной позиции.

В 60–70-е гг. XIX в. правительство выдало ряд концессий на устройство новых рельсопрокатных заводов на юге России в связи с активным железнодорожным строительством. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в рекордно короткий срок – за 3,5 мес. – была построена в военнопольных условиях Бендеро-Галацкая железнодорожная магистраль стратегического значения. Позднее подъему деловой активности в стране способствовал выкуп государством ряда частных железных дорог.

Расло и акционерное учредительство в других областях. Так, если в 1861 г. в России насчитывалось 128 акционерно-паевых предприятий, в 1909 г. – 1518, то в 1914 г. – уже 2263 (без учета железнодорожных) (13). Правительство всемерно поддерживало частную инициативу, но одновременно старалось не пускать ее на самотек, приняв 5 апреля 1883 г. новый закон об акционерном деле, регламентирующий эту деятельность.

Развиваются модернизированные (с учетом тогдашних передовых достижений Запада в машиностроении) отрасли промышленности, например хлопчатобумажная. Так, русский фабрикант К.Т. Солдатенков вместе с бароном Л. Кнопом – поставщиком оборудования из Англии для текстильных фабрик в России – и братьями Хлудовыми основал Кренгольмскую текстильную мануфактуру, которую оснастили по последнему слову техники (14). Передовым оборудованием оснащались предприятия С. Морозова и других русских промышленников, ставших ядром формирующейся национальной буржуазии России.

Отечественные предприятия стали экспортировать российскую продукцию в центральную Азию, Китай, на Ближний Восток, Балканы и в другие регионы.

Другой видный промышленник России, С.И. Мальцев, на основе накопленных в легкой промышленности создавал и современное машиностроение, целый промышленный район, настоящую промышленную империю, где производились и собственные стройматериалы, и кирпич, и стекло, и посуда; было налажено и собственное сельскохозяйственное производство. За заслуги в развитии русской промышленности С.И. Мальцев был избран в 1875 г. почетным членом Общества содействия русской торговле и промышленности.

Нельзя не упомянуть и о своеобразной конкуренции российских предпринимателей в борьбе за качество своей продукции. Государство всемерно поощряло их в этом, даруя привилегию носить высокое звание «поставщика двора Его императорского величества». Носитель титула «Поставщик двора» имел в результате рекламу своих товаров, своей фирмы, налоговые льготы, приоритетное право на исполнение заказов государства.

Для получения этого высокого звания предприниматель должен был в течение 8 лет производить продукцию самого высокого качества, которое тщательно контролировалось Министерством торговли и промышленности. И поэтому в неписаной иерархии купеческой, – напоминал В.П. Рябушинский, – стоял на вершине уважения именно промышленник, фабрикант, потом шел купец, торговец, а внизу стоял человек, который давал деньги в рост (15).

С 60-х гг. XIX в. наблюдалось усиленное развитие финансово-кредитной системы, банковского дела, которые были немаловажным источником средств для модернизации промышленности России и экономики в целом. Так, развитие кредитной кооперации на селе, например, на производственные цели, вело к общему снижению цен не только на селе, но и в городах, что положительно сказывалось на уровне развития экономики в целом (16).

Частный капитал в России хлынул в банковскую сферу при Александре II. Уже на рубеже 1860–1870-х гг. в стране сложилась сеть акционерных кредитных учреждений из 35 коммерческих и 10 ипотечных земельных банков. Последние предоставляли кредиты под землю и недвижимость под 6–6,5% годовых. Положение о них было подписано еще в 1862 г., и их капитал не мог быть ниже 10 тыс. руб. Создавались и городские банки, специализировавшиеся на выдаче ссуд под городскую недвижимость. Их было создано 317, и число таких банков росло. К началу Первой мировой войны банковская система России благодаря бурному экономическому подъему 1909–1913 гг. превратилась в наиболее динамичный сектор экономики. Так, 50 акционерных коммерческих банков с почти 800 отделениями и филиалами в 1914 г. по сумме активов превосходили главный казенный банк страны – Государственный – втрое (17). Ученый-экономист и банкир И.К. Бабст считал, что банки «...это прежде всего учреждения, содействующие торговле и промышленности; назначение их доставлять самые удобные и самые дешевые средства промышленности и облегчать торговые и кредитные сделки...» (18).

Расширялась также сеть сберегательных касс в стране. К середине 1884 г. их число достигло более 600, а к 1914 г. – 1026 с 1286 отделениями по всей России. И даже в годы Первой мировой войны их положение не ухудшилось, а укрепилось – население доверяло проверенным временем финансовым учреждениям, так как с 1860 г. сберегательные кассы перешли под покровительство Госбанка Российской империи (19). Только с 1881 по 1894 г., например, суммы вкладов российских граждан в банках увеличились в 33 раза, а капиталы самих коммерческих банков возросли на 59%; в два раза увеличилось количество закладных листов, выпущенных ипотечными банками, их курс вырос за этот период на 10% (20).

Немалый вклад в индустриализацию России внесла реформаторская деятельность С.Ю. Витте, направленная на модернизацию российской эко-

номики, промышленности, финансовой системы. У него были противники-консерваторы: С.Ф. Шарапов, А.Г. Щербатов, П.А. Палов, защищавшие бумажно-денежную систему с присущей ей инфляцией, что было выгодно помещикам – экспортерам зерна, получавшим вывозные премии. Как известно, многие помещичьи хозяйства были отягощены долгами банкам, а расчеты по ним помещикам выгодно было вести в падающей валюте.

В отличие от консервативной части дворян, рассматривавших рост капиталистической промышленности и капиталистических монополий как конкурентов дворянским привилегиям, С.Ю. Витте проявил себя как сторонник развития крупной промышленности России, ее всесторонней модернизации, особенно машиностроения. Витте отмечал в своем докладе 1899 г. Николаю II: «Создание своей собственной промышленности это и есть коренная не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольный камень нашей протекционистской системы» (21). Он всегда выступал как сторонник технического и экономического прогресса, писал о преимуществах свободного труда наемных работников перед несвободным трудом раба и крепостного крестьянина, об огромной значимости машин для производства, о технических и экономических преимуществах крупного хозяйства перед мелким.

Идеи С.Ю. Витте об усилении регулирующей роли государства, придании экономике экспортного характера, увеличении емкости национального рынка для стимулирования производства и др. опередили свое время.

Обеспечивая благоприятные условия для индустриального развития и подъема деловой активности в стране, С.Ю. Витте не боялся заметить представителям крупного бизнеса: «Российское правительство заинтересовано в промышленности и в рабочих, но никак не в ваших, господа, прибылях», – то есть русский капитал, считало правительство, являлся только «служилым элементом в общей стройке страны, а не диктатурой» (22).

При С.Ю. Витте была также введена государственная винная монополия, и в результате только за пять лет доходы российского бюджета увеличились в семь с половиной раз: в начале 1900-х гг. поступления от нее составили 11% доходов бюджета России, а в 1913 г. – 22% (23).

В интересах протекционистской системы С.Ю. Витте провел финансовую реформу, подготовленную предыдущими министрами финансов России – Н. Бунге, А. Вышнеградским. Эффективно проведенная С.Ю. Витте в 1897 г., реформа сделала российский золотой рубль конвертируемым. Было достигнуто оздоровление финансовой системы, проведена реорганизация Госбанка, что отвечало потребностям капиталистического развития страны, которая имела теперь устойчивую денежную единицу, и способствовало росту деловой активности в стране, экономическому подъему конца XIX – начала XX в.

В результате преобразований дореволюционная финансовая система была сильной и устойчивой, что доказало ее состояние даже в ходе мировой войны.

К 1914 г. в России мелись такие крупнейшие банки (по сумме балансов), как: Русско-Азиатский – 834,9 млн руб., русский для внешней торговли – 628,4 млн руб., Петербургский международный – 617,5 млн руб., Азовско-Донской – 543,5 млн руб. Русский торгово-промышленный – 496,2 млн руб., Волжско-Камский – 424,7 млн руб., Соединенный – 333,8 млн руб., Сибирский торговый – 279,5 млн руб., Московский купеческий – 279,5 млн руб., Коммерческий банк – 217,4 млн руб. (24).

Развитие России от аграрного общества к индустриальному резко усилилось в конце XIX – начале XX в. – С.Ю. Витте рассматривал это как «непреложный закон», предупреждая: «Мы находимся у начала этого движения, которое нельзя остановить без риска погубить Россию». Российское правительство придерживалось политики протекционизма, целенаправленно способствуя развитию отечественной промышленности и торговли, строительству железных дорог, развитию и модернизации промышленности, науки, образования. В результате только за последнее десятилетие XIX в. количество предприятий в России увеличилось в 1,4 раза, объем промышленного производства вырос в 2 раза, было учреждено около 150 учебных заведений.

Реформаторскую политику С.Ю. Витте в начале XX в. продолжил П.А. Столыпин, провозгласивший: «Нам нужна великая Россия!» И хотя акцент им был перенесен на решение аграрных проблем, индустриальное развитие продолжало быть двигателем всего экономического развития. В 1909 г. был собран рекордный урожай зерновых в России, она вышла на первое место в мире по этому показателю, и на экспорт шло 25–30% зерна. В 1913 г. заграничный сбыт главных хлебов достиг 647,8 млн пудов (против 548,4 млн пудов в 1912 г.) (25).

Промышленный переворот в России завершился в 80-е гг. XIX в. К этому времени уже произошло техническое перевооружение основных отраслей промышленности, ручной труд успешно вытеснялся машинным. В конце XIX в. в три раза вырос объем продукции машиностроительной промышленности. Ускорение темпов экономического развития России после 1861 г. и последовавших буржуазно-либеральных реформ выразилось и в создании в 80-е гг. XIX в. монополий, возникновение которых свидетельствовало о том, что концентрация производства и капиталов в России шла параллельно со сходными процессами в странах Запада.

Первая монополия «Союз рельсовых фабрикантов» была создана в 1882 г., всего через 10 лет после американской «Стандарт Ойл Компани, – монополии, положившей начало этому процессу. Этот Союз объединил 5 заводов и контролировал выпуск 75% всех рельсов в России. Монополии стали объединяться в союзы-синдикаты. Позже возникает синдикат «Брянск–Варшава», объединивший ряд металлургических заводов. В 1887 г. был создан синдикат российских сахарозаводчиков. В 90-е гг. создаются ряд картелей, в том числе углепромышленников, в начале XX в. наблюдается их бы-

стрый рост. Возникает крупнейшее в России и Европе «Продамет» – «Общество для продажи изделий русских металлургических заводов» – с основным капиталом в 900 тыс. руб., созданный в 1902 г. после одобрения и утверждения властями Устава Общества. В него входило 30 компаний, и к 1914 г. он объединял до 90% заводов и более 85% продажи черных металлов в России, вытеснив многих конкурентов с российского рынка. Синдикаты контролировали сбыт товаров, распределение заказов, объемов производства, цены, условия производства и т.д. В годы экономического подъема при поддержке правительства возникли (до Первой мировой войны) и ряд других синдикатов в тяжелой промышленности при поддержке государства – «Гвоздь», «Трубопродажа», «Продпаровоз», «Продвагон», «Медь», «Продуголь» и т.д. «Продвагон», «Гвоздь», например, держали под своим контролем от 90 до 97% соответствующей продукции, производимой в России, картель «Нобель-Мазут» безраздельно господствовала в нефтяной промышленности.

Набирал силу процесс сращивания промышленного и финансового капиталов, то есть российские банки финансировали отечественную промышленность, а не вывозили свои капиталы за рубеж, как наблюдается сегодня. При поощрении властей российскими промышленниками и финансистами создавались финансово-промышленные группы. Примером такой успешной деятельности может служить Русско-Азиатский банк, один из крупнейших в России, во главе с председателем правления А.И. Путиловым, имевший складочный капитал в 45 млн руб. и представлявший настоящую империю из контролируемых им 8 крупнейших заводов, таких как Невский, Путиловский, Тульский чугуноплавильный, Новороссийский металлургический и др., и ряда трестов. К 1917 г. А.И. Путилов был членом правления в 40 успешно функционировавших подконтрольных компаниях. Финансово-промышленная группа Петербургского международного банка во главе с С.С. Хрулёвым (складочный капитал составлял 60 млн руб.) контролировала работу машиностроительных заводов в Московской, Нижегородской губерниях, судостроительные предприятия в Н. Новгороде, Николаеве, а также ряд страховых, текстильных, золотодобывающих компаний и даже нефтедобычу (26).

Большое место в экономике занимали биржи. К концу XIX в. их насчитывалась 21, в 1913 г. – 93, а к 1917 г. – 115. Были в России и специализированные биржи: хлебные, мясные, яичные, чайные, винные, фруктовые (27). Там велись операции с товарами, с ценными бумагами, в том числе и с частными.

К началу XX в. экономическая политика, масштабная работа правительства по модернизации экономики поставила Россию на одно из первых мест в мире по темпам развития промышленности, сельского хозяйства, экономического роста в целом. Возникло немало новых предпри-

ятий в сфере промышленности, транспорта, в финансовой сфере (сеть банков), развивалось предпринимательство, создавались акционерные общества. Осуществлялся курс на развитие передовых промышленных отраслей, ускоренный рост перерабатывающей промышленности, внедрение новых технологий.

Российская индустрия отличалась высоким уровнем технического оснащения: оборудование на российских заводах и фабриках соответствовало последнему слову техники. Внутреннее производство промышленного оборудования равнялось импорту. Причем для России был характерен высокий уровень концентрации капитала и рабочей силы в индустриальных предприятиях. Так, на предприятиях с числом рабочих свыше 1000 чел. к 1914 г. было занято 44% рабочих, то есть более чем в 2 раза больше, а с учетом наиболее крупных казенных и металлургических заводов – 3 раза больше, чем в промышленности США. Среднегодовые темпы прироста промышленной продукции составляли в 1909–1913 гг. 9%, в машиностроении – 13%, добыча нефти с 1894 по 1914 г. увеличилась на 65%, производство чугуна – на 50%, железа и стали – на 224% (28).

Быстрый промышленный рост происходил в наиболее эффективных в то время в российских условиях формах. На долю российской крупной промышленности приходилось более 70% из всей промышленности (29). В 1913 г. прибыль фабричной промышленности составила 510 млн руб., мелких предпринимателей – 142 млн руб., торговая прибыль – 788 млн руб., внешнеторговый оборот – 2,6 млрд руб.

Политика протекционизма, государственной поддержки российского предпринимательства, государственного вмешательства в экономику в разумных пределах дала очевидные положительные результаты, выведя Россию по уровню, и особенно по темпам промышленного развития, в ряды мировых лидеров.

Интересы промышленников, предпринимателей, банкиров России и государства в ключевых вопросах совпадали, и, прежде всего, в их стремлении создавать «Великую Россию». Сложилась система государственно-монополистического капитализма, которая доказала свою жизнеспособность. К началу Первой мировой войны Россия вышла на 5-е место в мире по объему промышленного производства, по годовым темпам роста промышленной продукции на душу населения уступала только США, а по темпам роста производительности труда – даже опережала их (30). Российская империя занимала 4-е место в мире по производству индустриального оборудования, 6-е место – по производству электромоторов и т.д. (31). К 1917 г. в России было 5000 т золотого запаса в слитках; 0,5 млрд золотых рублей граждане хранили в «чулках» накануне войны 1914 г. (32) Россия уверенно и по праву вошла в пятерку мировых экономических лидеров.

Неудивительно, что успехи российской экономики в результате проводимых реформ констатировал уже в 1900 г. С.Ю. Витте в своей Докладной записке Николаю II (33). На Западе, впечатленном нашими успехами, заговорили о «русском чуде». Французский экономист Эдмон Тери в своей книге «Россия в 1914 году» предложил прогноз: «...К середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом и финансовых отношениях» (34).

Казалось бы, перед российской экономикой, находившейся на подъеме, перед российскими деловыми кругами открывались блестящие перспективы. Однако оптимистичные прогнозы не оправдались. И вряд ли стоит присоединяться к однозначно восторженным оценкам экономических успехов Российской империи, ведь в начале XX в., за исторически кратчайший срок Россия дважды – в 1905–1907 и в 1917 гг. – была потрясена революциями, каждая последующая из которых оказывалась все более радикальной. И дело не только во внешних факторах (Русско-Японской и Первой мировой войнах). Несомненно, в разрушении «старого мира» решающую роль сыграли внутренние факторы, включая те, которые были напрямую связаны с раннеиндустриальной модернизацией страны.

Начнем с того, что успехи экономического развития и российской модернизации сегодня нередко сильно преувеличивают. А ведь в 1912 г. национальный доход на душу населения в России составлял 110 руб. золотом, в Германии – 300 руб., в Англии – 500, в США – 720, т.е. от своего будущего противника в войне Россия отставала почти втрое, а от заморского союзника – почти всемеро (35). Доля России в мировом промышленном производстве в 1913 г. достигала всего лишь 5,3% (36). Весьма относительны были успехи в социальной модернизации общества, сопутствующей индустриализации. Главными показателями здесь является структура занятости населения в различных отраслях экономики и структура расселения. Но страна продолжала оставаться в подавляющей части сельской, аграрной, крестьянской. Горожан было в конце XIX в. 15%, а в 1917 г. – лишь 18%, причем более половины горожан по факту проживания можно было отнести к этой категории весьма условно: 2/3 поселений, относимых по административному статусу к городам, по реальной экономической структуре являлись скорее полусельскими поселениями, и даже в больших и средних индустриальных центрах, которых на всю страну набиралось не более одного-двух десятков, значительную часть составляли недавние крестьяне – выходцы из деревни, сохранявшие с ней социально-экономические и другие связи (37).

Вместе с тем раннеиндустриальная модернизация в либерально-консервативной форме вызвала массовую маргинализацию общества, поставила его в крайне неустойчивое, «переходное» состояние, что само по себе чревато социальными потрясениями. Социальная маргинализация проявлялась, с

одной стороны, в том, что город – «социальный авангард» модернизации – оказался наводнен, как сказали бы сегодня, сельскими мигрантами, – огромной массой людей, неадаптированных к условиям, нормам, ценностям, моделям урбанизированной жизни. С другой, в течение по крайней мере полувека происходило «размывание» традиционалистской, патриархальной, общинной деревни, – как основ ее жизни, так и менталитета крестьянства, дезориентация в нормах и ценностях.

Первый массовый удар по ней был нанесен отменой крепостного права с крайне неблагоприятными для ее экономического развития и вписывания в нарождающиеся буржуазные условия «правилами игры», установленными государством (временно-обязанное состояние по отношению к помещику, выкупные платежи и т.д.).

На фоне быстрого роста населения при незначительном росте земельного фонда крестьянские земельные наделы при переделах в общинах постоянно сокращались. Не случайно идея «черного передела» была столь популярна в крестьянской массе – от эпохи «народовольцев» до эсеров и «трудовиков» в Государственных Думах: «земельный голод» был объективным явлением. Не имея достаточных финансовых, материальных, технологических, квалификационных и других ресурсов для эффективного включения в рыночные отношения, для интенсивного ведения хозяйства, прежде всего на основе совершенствования агрокультуры, к началу XX в. значительная часть российской деревни деградировала, обнищала, большинство крестьянских хозяйств оказалось малоземельными и маломощными.

Власть имела целью сохранить монархию, сословную структуру, помещичье землевладение, дворянство как свою социальную опору, и для этого (а также в фискальных целях) сначала стремилась сохранить общину (2-я половина XIX в.), а затем – с теми же целями – форсированно ее разрушить согласно стратегии столыпинских реформ, что стало вторым за полвека мощным ударом по российскому сельскому традиционализму.

Ставка на «крепкого мужика» была все той же линией на разрешение аграрного вопроса за счет крестьянской массы, которую вогнали в малоземелье, нищету, отсталость предшествующей полувековой политикой, а затем стали искать «трезвых и работающих». Но вышедших из общины российская деревня воспринимала как «отщепенцев», ухудшавших положение основной, общинной массы крестьян. Масштаб социального раскола деревни увеличился: ненависть к помещикам дополнилась ненавистью к разваливавшим общину крестьянам и распространилась на государство, проводившее такую политику (38).

Столыпинские реформы, в основе которых была попытка насильственного насаждения частной собственности в деревне и разрушения общины в преимущественно аграрной тогда стране – для чего требовалось длительное

историческое время – лишь предельно обострила социальную напряженность, приведя в конечном счете к социальному взрыву. Крестьяне оказали мощное сопротивление государственной политике по развалу общины, механическому насаждению чуждого западного, фермерско-хуторского опыта в России, и реформа не только не дала прогнозируемого социально-экономического результата (за 1906–1909 гг. – наиболее активный период реформы – из общины вышло лишь 9,4% крестьянских дворов губерний, вовлеченных в реформу) (39), но, главное, настолько обозлила крестьянство, настроила его против власти, что стала одной из глубинных причин революции 1917 г., которая, по сути, была крестьянской революцией.

За реформами С.Ю. Витте последовали социальные потрясения – революция 1905–1907 гг., за реформами П.А. Столыпина – революционные потрясения 1917 г., крах империи и единого российского государства. И никакие частные, хотя бы и масштабные экономические успехи реформ, – которые являются лишь тактическими мерами – не могут дать основания для позитивной их оценки и экономического курса как целого, если они привели к стратегическому провалу – социальному взрыву, краху социально-политической и экономической модели и самого государства (40).

Запаздывание с рядом назревших во второй половине XIX в. реформ, а затем и выбор неадекватных условиям страны механизмов и средств модернизации привели Российскую империю к уничтожению, к реализации революционной леворадикальной альтернативы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Сенявский А.С.* Концепция модернизации и ее исследовательский потенциал в изучении российской истории XX в. (теоретико-методологический и инструментальный аспекты) // *Actio Nova*. – 2000. – С. 213–244.
- (2) *Лапто-Данилевский А.С.* Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII в. – СПб, 1893. – С. 93–94.
- (3) *Барышников М.Н.* История делового мира России. – М., 1994. – С. 69–70.
- (4) *Полянский Ф.Я.* Первоначальное накопление капитала в России. – М., 1958. – С. 83–84.
- (5) *Струмилин С.Г.* Очерки экономической истории России. – М., 1960. – С. 407–408.
- (6) *Спасский П.Х.* История торговли и промышленности в России. – СПб, 1910. – Т. 1. – С. 67–68.
- (7) ПСЗ-III. – М., 1910. – Т. XI. – Ч. II. – С. 62, 71.
- (8) *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. – Л., 1973. – С. 17–22.
- (9) История России. Расцвет и закат Российской империи: XIX – начало XX в. / Ред. В.П. Дмитренко. – М., 1994. – Ч. II. – С. 133.
- (10) *Дельви́г А.И.* Есть ли у нас свободные капиталы для постройки железных дорог. – СПб, 1866. – С. 17.
- (11) *Пороховицков А.А.* Соль земли. – М., 1905. – С. 27.

- (12) *Кокорев В.А.* Экономические провалы: По воспоминаниям с 1837 г. – СПб, 1887. – С. 38.
- (13) *Барышников М.Н.* История делового мира... – С. 163, 183–184.
- (14) *Гавлин М.* Указ. соч. – М., 1996. – С. 100.
- (15) *Платонов О.А.* 1000 лет русского предпринимательства. – М., 1995. – С. 72.
- (16) *Чаянов А.* Краткий курс кооперации. – Барнаул, 1989. – С. 29–30.
- (17) Аргументы и факты. – 1998. – № 37. – С. 9.
- (18) *Барышников М.Н.* История делового мира... – С. 169–170.
- (19) Время сбережений. – М., 1999. – С. 12–13.
- (20) *Иванов В.Ф.* Русская интеллигенция и масонство. – М., 1997. – С. 31–34.
- (21) *Витте С.Ю.* Соч. – М., 1983. – Т. I. – С. XXII.
- (22) Цит. по: *Солоневич И. А.* Народная монархия. – М., 1991. – С. 62.
- (23) Аргументы и факты. – 2006. – № 45.
- (24) *Данилов А.А.* История России XX века: Справочные материалы. – М., 1996. – С. 37.
- (25) *Данилов А.А.* Указ. соч. – С. 36.
- (26) *Барышников М.Н.* История делового мира России. – М., 1994. – С. 186–188.
- (27) *Спаский П.Х.* История торговли.... Масонство. – М., 1997 – Т. 1. – С. 42, 48.
- (28) *Иванов В.Ф.* Указ. соч. – С. 37–38.
- (29) Там же. – С. 34–35.
- (30) *Кендрик Д.* Тенденции производительности в США. – М., 1967. – С. 278–279; *Ляцценко П.И.* История народного хозяйства СССР. – М., 1956. – Т. I. – С. 531.
- (31) *Табачник Г.* Последние хозяева Кремля. – М., 1995. – С. 29.
- (32) См.: Известия. – 1999. – 15 мая.
- (33) Политическая история XX века: Сб. док-тов и мат. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 63.
- (34) Цит. по: История. Методические рекомендации. – М., 1994. – С. 20.
- (35) *Солоневич И.А.* Народная монархия... – С. 68.
- (36) *Данилов А.А.* Указ. соч. – С. 34–35.
- (37) См.: *Сенявский А.С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. – М., 2003.
- (38) См.: *Сенявский А.С.* Социальная динамика России в XX веке в контексте модернизации // Этот противоречивый XX век (К 80-летию со дня рождения академика РАН Ю.А. Полякова). – М., 2001. – С. 281–298.
- (39) Судьбы реформ и реформаторов в России. – М., 1999. – С. 157.
- (40) См.: *Сенявский А.С.* Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке: реформы и революции. – М., 2002. – Т. 1. – С. 55–69.

**EARLY INDUSTRIAL STAGE OF MODERNIZATION
PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA:
SOURCES, TENDENCIES, RESULTS**

T.M. Bratchenko

Faculty of History
Moscow State Open University
Pavla Korchagina Str., 22, Moscow, Russia, 129805

A.S. Senyavsky

The centre «Russia, USSR in a history XXth century»
Institute of the Russian history
Dm. Ulyanova Str., 19, Moscow, Russia, 117036

In the article the sources, occurrence and development of industrialization of pre-revolutionary Russia at its early stage are analyzed. The authors have shown the basic tendencies and directions of these processes. In the article the set of the reasons of industrialization of Russia is opened, among which not internal conditions, and external factors were basic. Is shown also, that the earli-industrial modernization in the liberal – conservative form has put a society in the extremely unstable, «transitive» condition, that was fraught with social shocks.

Key words: industrial modernization, agrarian society, transformation, liberal reforms, S.Y. Vitte, P.A. Stolipin.